

ТЕАТР И КИНО

«НАД ОБРЫВОМ»

(Рабочий театр Пролеткульта)

Мысль не новая. К ней много раз подходила и беллетристика, и смена. Стоит вспомнить талантливо и увлекательно написанный «Потоп» Бергера. Что будет с человечеством в те моменты, когда мир приблизится к гибели? Будет ли оно, в свои последние дни, предаваться оргиям? Будет ли, — наоборот, — «очищать свою душу», в ожидании небесных отличий и наград? Оближут ли братики сабует мелочи? Или будет жить своей обычной жизнью?

По новой пьесе — «Над обрывом» (Шлегель) — оказывается, что до последнего своего часа человечество будет расколотым, классовым. И капиталисты в нем постараются сделать катастрофу источником наживы, интеллигенция от панического ужаса предастся разврату, пьянству и мизантролии. А рабочие «подвергнут открытию ученых о гибели мира большому сомнению, организуют массу» и в стихийный момент произведут мировую революцию. Крестьянство пьесы осторожно обходит молчанием. Будет ли деревня, — в момент, когда грохочет гром, на сцене темно и бушуют стихии, — тоже делать революцию, или займется чем-нибудь другим? На это нет ответа.

Известно только, что катастрофа потрясет землю, но не уничтожит ее совсем. И мир остался в руках рабочего класса.

Поле для споров бесконечное. Действительно ли у рабочего класса, у массы нет чувства жизни, инстинкта самосохранения? Действительно ли незнающие с наукой люди могут «подвергать сомнению» ученые открытия? И можно ли считать прочной мировой революцию, сделанную не борьбой, не стойкостью, не сознанием своей правоты, своей «силы правого», а похищенную из-за угла, в момент общей паники? Все эти вопросы, — и еще ряд других, — делают идеологию пьесы очень скользкой и спорной. Хотел ли автор посмеяться над «буржуазной» наукой, над интеллигенцией, хотел ли показать «космическое» бесстрашие пролетариата, или хотел сказать что-нибудь другое, — об этом можно спорить очень много и совершенно безрезультатно.

Написано «Над обрывом» не плохо, занимательно, в отдельных, отрывочных живых эпизодах. И очень хорошо, местами блестяще показано. Нужды нет, что форма несамостоятельна, заимствованна у новых театров, что электрические рекламы, фонтаны, конструкции уже показывались много раз, что на каждом шагу можно указать первоисточник постановки. Сделано, оформлено, скомбинировано все очень живо, талантливо

и с большой изобретательностью. И потом много помогает впечатлению весь темп спектакля, его ритмичность, весь его, — взятый в гротеск, в шутку, в карикатуру, — характер. Иногда, впрочем, все это бывает преувеличено до неприятного криклянца.

Разыгрывает пьесу первый рабочий театр тоже живо, стремительно, интересно по неизбежному в этой группе, часто довольно неуместным, несообразным, акробатическим физкультуром.

В группе рабочего театра Пролеткульта есть, несомненно, люди и хорошие сценические способности, и достаточного сценического опыта. И театру пора отойти хоть немного от своих опытов и лерых течений и показать реальную, «обыкновенную» пьесу. Без фонтанов, без эффектов, без кувирканий.

Если самые крайние центральные театры начали определенно приближаться к реальному, если реалистическое течение в литературе сейчас завладевает жизнью, то театру рабочему нужно и поспешно оставить сценические загадки и шарады. И перейти к театру адекватному, понятному и реальному.

А. Ц.